

Все персонажи настоящего романа — священники, банкиры, пираты, герцогини и мошенники — являются вымышленными, как и описываемые в нем события, так что какое бы то ни было сходство их с реальными лицами и фактами следует считать случайным. Здесь все — выдумка, за исключением сцены, на которой разворачивается действие. Никто не смог бы выдумать такого города, как Севилья.

Хакер проник в центральную компьютерную систему Ватикана за одиннадцать минут до полуночи. Через тридцать пять секунд один из мониторов, соединенных с основной сетью, подал сигнал тревоги. Легкое мигание на его экране означало, что в ответ на вторжение извне автоматически включился контроль безопасности. Затем в углу экрана появились буквы *НК*, и дежурный иезуит, оторвавшись от обработки данных последней переписи населения Ватикана, снял телефонную трубку, чтобы проинформировать начальника службы.

— У нас тут гость, — сообщил он.

Застегивая на ходу сутану, отец Игнасио Арреги, также иезуит, вышел в коридор и торопливо, почти бегом, преодолел полсотни метров, отделявшие его комнату от машинного зала. Он был худ, даже костляв; скрип его ботинок громко отдавался в полумраке под расписными сводами коридора. Мельком глянув в окно на пустынную в этот час Виа-делла-Типография и на темный фасад Бельведерского дворца, отец Арреги тихонько выругался сквозь зубы. Он злился больше из-за того, что его разбудили, едва он успел заснуть, чем из-за вторжения. Хакеры занимались этим частенько, не нанося, впрочем, сколько-нибудь значительного вреда. Обычно они не проникали дальше внешней границы системы безопасности, оставляя

в качестве свидетельства своего визита небольшое послание или безобидный вирус: плод тщеславного стремления заявить о себе. В основном это были совсем зеленые юнцы — любители путешествовать по телефонным линиям, испытывая на прочность чужие системы: а ну как повезет, а ну как удастся пробраться в Чейз-Манхэттен-банк, в Пентагон или Ватикан? От таких приключений у них просто дух захватывало.

Дежурным по компьютерному залу в ту ночь был отец Куи, полный молодой ирландец. Озабоченно хмурясь и щуря глаза за стеклами очков, он прямо-таки припал грудью к клавиатуре, следя за продвижением хакера. Когда подошел отец Арреги, он поднял голову и лицо его, наполовину освещенное снизу настольной лампой, выразило облегчение.

— Как хорошо, что вы пришли, падре!

Вновь прибывший оперся руками о стол отца Куи и внимательно взгляделся в экран дисплея, на котором помаргивали красные и синие значки. Система автоматического поиска цепко держала сигнал взломщика.

— Что-нибудь серьезное? — вполголоса спросил отец Арреги.

— Возможно, да.

За последние два года нечто действительно серьезное произошло лишь однажды, когда очередной хакер запустил в ватиканскую сеть вирус, который, размножаясь, полностью заблокировал всю систему. Ее очистка и ликвидация последствий обошлись в полмиллиона долларов, а пиратом, как выяснилось в результате долгих и сложных поисков, оказался шестнадцатилетний парнишка из маленького поселка где-то на побережье Голландии. Было, правда, еще несколько попыток внедрения вирусов или программ-убийц, но их удалось пресечь в самом начале. В одном случае

«пошалил» молодой мормон из Солт-Лейк-Сити, в другом — общество исламистов-интегрисстов с штаб-квартирой в Стамбуле, в третьем — свихнувшийся на почве воздержания священник-француз. Он сидел в психушке и, пользуясь по ночам местным компьютером, за полтора месяца успел внедрить в сорок два ватиканских файла вирус, который забивал экраны дисплеев отборной руганью на латыни.

Отец Арреги ткнул пальцем в мигающий красный квадратик курсора:

— Это он?

— Да.

— Как вы его назвали?

Чтобы облегчить отслеживание нарушителя и установление его личности, они присваивали каждому условное обозначение, нередко «посетитель» оказывался старым знакомым. Отец Куи указал на строчку в правом нижнем углу экрана:

— «Вечерня». Это первое, что пришло мне в голову, когда я взглянул на часы.

На мониторе погасло несколько сигналов, вместо них зажглись другие. Внимательно взглядевшись в них, отец Куи легким движением пальцев шевельнул «мышку». Курсор перепрыгнул к одному из новых символов и дважды мигнул. Теперь, когда рядом находился начальник, вся ответственность автоматически ложилась на его плечи, так что отец Куи мог позволить себе сбросить напряжение предыдущих минут и уже более спокойно следить за продвижением непрошеного гостя. Для специалиста высокого класса, каким являлся этот совсем еще молодой человек, вторжение хакера всегда означало вызов его профессионализму.

— Он здесь уже десять минут, — произнес Куи, не отрывая глаз от экрана, и отцу Арреги почудилась

в его голосе нотка сдержанного восхищения. — Вначале просто пошарил снаружи, обследуя входы, потом буквально одним прыжком проник внутрь. Дорогу он уже знал — наверняка бывал у нас раньше.

— Какие у него намерения?

Отец Куи пожал плечами:

— Не знаю. Но работает он классно и быстро, при этом пользуется тройной системой, чтобы обойти нашу защиту: начинает с самого безобидного, потом роет глубже, потом влезает в наш список пользователей... — Не договорив, молодой иезуит чуть скривил губы, чтобы согнать с них неуместную при данных обстоятельствах улыбку. — Вот сейчас он ищет вход в ИНМАВАТ.

Отец Арреги выбил обеспокоенную дробь ногтями на одном из руководств по информатике, занимавших почти всю поверхность стола. Аббревиатура ИНМАВАТ обозначала засекреченный список высших должностных лиц ватиканской курии, войти в который можно было лишь при помощи особого кода, державшегося в глубочайшей тайне от непосвященных.

— Может быть, подключить сканер слежения? — предложил он.

Отец Куи мотнул подбородком в сторону другого монитора, экран которого светился на соседнем столе. Движение означало: «Я уже подумал об этом». Эта система, соединенная с каналом связи полиции и телефонной сетью Ватикана, регистрировала все данные о хакере и его продвижении; в ней имелась даже особая ловушка — нечто вроде лабиринта, выбраться из которого было не так-то легко, а за это время взломщика успевали засечь и опознать.

— Это мало что даст, — отозвался Куи через несколько секунд. — Вечерня здорово закамуфлировал то место, где вошел в нашу систему. Он скачет с одной

телефонной линии на другую, и всякий раз, как он делает очередной прыжок, приходится просматривать всю ее до самого исходного пункта... Для того чтобы мы успели что-то сделать, он должен пробыть здесь достаточно долго. И при всем при том, если он задался целью устроить нам какую-нибудь гадость, он ее устроит.

— А какую другую цель он может иметь?

— Не знаю. — На губах молодого священника вновь обозначилась чуть заинтересованная, чуть ироническая усмешка, но она исчезла, лишь только он поднял голову. — Иногда они занимаются этим просто из любопытства, иногда оставляют какое-нибудь послание типа: «Здесь побывал капитан Зэп», вы же знаете. — Он сделал паузу, всматриваясь в экран монитора. — Хотя, надо заметить, для простого мелкого хулигана этот что-то уж слишком усердствует.

Отец Арреги дважды машинально кивнул, целиком поглощенный движением сигнала по экрану. Затем, словно придя в себя, взглянул на телефон, выхваченный из полумрака конусом света настольной лампы, и протянул было к нему руку, но задержал ее на полпути:

— Вы полагаете, ему удастся проникнуть в ИН-МАВАТ?

Куи кивком указал на экран своего дисплея:

— Он уже проник. Только что.

— О господи...

Теперь светящийся алым курсор мигал с бешеной скоростью, пробегая одну за другой движущиеся по экрану строчки.

— Ну, он мастер, — произнес отец Куи, уже не пытаясь скрыть своего восхищения. — Да простит меня Господь, он действительно мастер. — Ирландец помедлил и закончил с улыбкой: — Это просто черт какой-то.

Забыв о клавиатуре, он оперся обоими локтями о столешницу и прямо-таки впился глазами в экран, по которому проходил секретный список во всей своей красе: восемьдесят четыре кардинала и высших чиновника, обозначенные каждый соответствующим кодом. Курсор пробежался по списку сверху вниз, потом еще раз и, мигнув, остановился напротив строки, где стояло: V01A.

— Ах мерзавец, — пробормотал отец Арреги.

Смена символов на экране означала, что хакер взломал систему безопасности и загоняет в память компьютера довольно объемистое послание.

— Кто такой V01A? — спросил Куи.

Отец Арреги не спешил с ответом. Расстегнув стоячий воротник своей сутаны, он провел ладонью по затылку и снова недоверчиво взглянул на экран монитора. Потом медленно поднял трубку телефона и, поколебавшись еще мгновение, набрал номер секретариата Апостольского дворца, предназначенный для экстренных случаев. Лишь после седьмого гудка несколько сонный голос ответил ему по-итальянски. Тогда отец Арреги откашлялся и кратко, по-военному сообщил, что хакер только что проник в личный компьютер его святейшества папы.

ЧЕЛОВЕК ИЗ РИМА

Не зря опоясан мечом. То посланец Господа.

*Бернард Клервоский¹. Похвальное слово
новому воинству рыцарей храма²*

Лоренсо Куарт получил приказ о поездке в Севилью в самом начале мая. Циклон перемещался по направлению к восточной части Средиземного моря, и в то утро ливень так и хлестал по римской площади Святого Петра, так что Куарту пришлось описать полукруг, укрываясь от воды под колоннадой Бернини. Приближаясь к Бронзовым вратам, он заметил, что часовой, чья фигура с алебардой в руке выделялась на фоне слабо освещенного коридора, отделанного мрамором и гранитом, уже присматривается к нему, готовый остановиться. Это был швейцарский гвардеец, высокий и мощный, облаченный в полосатую красно-желто-синюю форму времен эпохи Возрождения и с черным беретом на крупной бритой голове. Он с любопытством обозревал темный, безупречного покроя костюм Куарта, черную шелковую рубашку со стоячим воротничком и черные же, ручной работы

¹ *Бернард Клервоский* (1090–1153) — бургундский аббат, глава ордена цистерцианцев, проповедник священной войны против «неверных» — мусульман, вдохновитель Второго крестового похода. Современники называли его «чудовищем нашего столетия». Позже причислен к лику святых. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² *Рыцари храма* («Бедные рыцари Христа и Соломонова храма») — члены военно-религиозного ордена, основанного в Палестине в 1118–1119 гг. Его учреждению содействовал Бернард Клервоский. Вступая в орден, храмовники, или тамплиеры (от *фр.* temple — храм), давали три обета: целомудрия, бедности и послушания.

ботинки из тонкой кожи. Ничего общего, говорил этот взгляд, с одетыми в серое *bagarozzi* — чиновниками сложного ватиканского аппарата, проходящими тут каждый день. Но с другой стороны, читалось в светлых глазах недоумевающего швейцарца, этот человек не принадлежит и к числу аристократов курии — прелатов и монсеньоров, на чье высокое положение указывает хотя бы крест на груди, пурпурная кайма на одежде или перстень на руке. Такие персоны не приходят пешком под дождем: они прибывают в Апостольский дворец с другой стороны — через ворота Святой Анны, в комфортабельных лимузинах с шофером. Кроме того, мужчина, учтиво остановившийся перед часовым и доставший из кармана черный кожаный бумажник, чтобы, порывшись среди кредитных карточек, вынуть и предъявить свое удостоверение личности, был слишком молод для подобного сана, хотя в его по-военному коротко подстриженных волосах довольно густо пробивалась седина. Профессионально цепкий взгляд швейцарца отметил: вновь прибывший очень высок ростом, худ, уверен в себе. Ухоженные ногти, часы с белым циферблатом, простые серебряные запонки. Возраст — вряд ли больше сорока.

— *Guten Morgen. Wie ist der Dienst gewesen?*¹

Однако не эти слова, произнесенные на отличном немецком языке, заставили часового вытянуться по уставному и отсалютовать алебардой, а буквы ИВД, оттиснутые, вместе с тиарой и ключами святого Петра, в верхнем правом уголке удостоверения, предъявленного ему незнакомцем. В толстом красном томе Ватиканского ежегодника Институт внешних дел фигурировал как один из отделов департамента Государственного секретаря, однако даже самому зеленому из

¹ Доброе утро. Как дежурство? (нем.)

новобранцев Швейцарской гвардии было известно, что на протяжении двух веков он являлся карающей десницей инквизиции, а в наши дни координирует всю тайную деятельность Службы информации Ватикана. Члены курии, большие искусники по части эвфемизмов, обычно именовали его Лево́й руко́й Господа. Другие ограничивались названием (никогда, впрочем, не произносимым вслух) «Департамент грязных дел».

— *Kommen Sie herein*¹.

— *Danke*².

Пройдя мимо часового в старинные Бронзовые врата, Куарт свернул направо, миновал широкую лестницу Скала-Реджиа и, задержавшись на несколько секунд у бюро аккредитации, взбежал, перешагивая через одну, по гулким мраморным ступеням другой лестницы, в конце которой, за стеклянной дверью, охраняемой другим часовым, находился двор Святого Дамасо. Куарт пересек его по диагонали, под дождем и взглядами гвардейцев, которые, ежась под своими синими плащами, стояли у всех дверей Апостольского дворца. Он поднялся по еще одной, на сей раз короткой, лестнице и остановился на предпоследней ступеньке, перед дверью, рядом с которой была привинчена скромная металлическая табличка: *Instituto per le Opere Esteriori*³. Здесь Куарт достал из кармана бумажный носовой платок, вытер со лба и щек дождевые капли, затем протер им ботинки и, скатав его в шарик, бросил в стоявшую на площадке латунную пепельницу. Лишь после этого, проверив состояние черных манжет своей рубашки и одернув пиджак, он постучал в дверь. В отличие от других священников

¹ Проходите (*нем.*).

² Спасибо (*нем.*).

³ Институт внешних дел (*ит.*).

Лоренсо Куарт прекрасно сознавал свои слабые стороны в плане добродетелей более или менее теологического характера: к примеру, милосердие и сострадание были не слишком-то свойственны ему. Как, впрочем, и смирение, несмотря на его дисциплинированную натуру. Однако ему в полной мере были присущи пунктуальность и тщательность, что делало его весьма ценным кадром в глазах вышестоящих. Люди, ожидавшие его за этой дверью, знали: отец Куарт точен и надежен, как швейцарский нож.

В то утро все здание осталось без электричества, так что единственным источником света в кабинете было распахнутое в сад Бельведера окно, сквозь которое сочилась тусклая сероватая муть. Пока секретарь закрывал дверь за вошедшим, Куарт, сделав пять шагов от порога, очутился точно в центре комнаты, среди знакомых стен, расписанных Антонио Данти при папе Григории XIII. Фрески изображали карты Адриатического, Тирренского и Ионического морей, но почти скрывались за бесчисленными полками, заставленными множеством книг и папок. Ничем не показывая, что заметил силуэт, вырисовывавшийся против света на фоне окна, Куарт коротко наклонил голову в сторону большого письменного стола, приветствуя человека, сидевшего за ним среди груд папок с документами.

— Монсеньор, — произнес он.

Архиепископ Паоло Спада, директор Института внешних дел, ответил ему дружеской, но сдержанной улыбкой. То был пожилой ломбардец с массивной, почти квадратной фигурой; его мощные плечи так и распирали черный костюм-тройку, ничем не выдававший сана его владельца. Со своей крупной головой и бычьей шеей архиепископ Спада походил скорее на шофера грузовика, на борца или (с учетом того, что

дело происходило в Риме) на ветерана-гладиатора, сменившего короткий меч и мирмидонский шлем на темные одежды священнослужителя. Это впечатление дополнительно усиливалось благодаря его еще черным, жестким, как щетина, волосам и огромным рукам — ручищам (без архиепископского перстня), которые в этот момент поигрывали бронзовым ножом для разрезания бумаги, похожим на кинжал. Им Спада и указал на силуэт у окна:

— Полагаю, вы знакомы с кардиналом Ивашкевичем.

Только после этого, и ни секундой раньше, Куарт посмотрел направо и наклоном головы приветствовал неподвижную фигуру. Разумеется, он знал его высокопреосвященство Ежи Ивашкевича, епископа Краковского, поднятого до кардинальского пурпура его соотечественником — папой Войтылой, и префекта Священной конгрегации по делам учения о вере, известной до 1965 года под именем инквизиции. Ни Ивашкевича — даже в виде худого темного силуэта на фоне окна, — ни то, что он представлял, невозможно было спутать ни с кем и ни с чем.

— *Laudatur Jesus Cristus*¹, ваше высокопреосвященство.

Глава инквизиции не ответил на приветствие: он не пошевелился, не произнес ни слова. Воцарившееся молчание нарушил хрипловатый голос монсьёра Спады:

— Если хотите, можете сесть, отец Куарт. Встреча у нас сегодня официозная, так что его высокопреосвященство предпочитает стоять.

Он так и сказал по-итальянски: *ufficioso*, и Куарт уловил этот оттенок. В специфическом ватиканском языке разница между *ufficiale* и *ufficioso* была весьма

¹ Хвала Иисусу Христу (*лат.*).

ощутимой. *Ufficioso* означало вещи, которые думаются, но не говорятся, а если даже и высказываются вслух, то впоследствии никто и никогда не признает этого. Но даже зная, как обстоят дела, Куарт, взглянув на стул, который движением руки с кинжалом предложил ему архиепископ, качнул головой, отклоняя приглашение, и остался стоять посреди комнаты, спокойно и свободно, заложив руки за спину, как солдат, ожидающий приказа.

Монсеньор Спада одобрительно взглянул на него, сощурив хитрые глаза, белки которых покрывала целая сеть коричневых жилок, как бывает у старых собак. Из-за этих глаз, массивного тела и жестких, словно щетка, волос его прозвали Мاستифом, но именовать его так — да и то шепотом — осмеливались лишь самые видные и надежные члены курии.

— Рад снова видеть вас, отец Куарт. Мы давно не встречались.

Два месяца, припомнил Куарт. Тогда в этом кабинете их тоже было трое: они оба и известный банкир Ренцо Лупара, президент итальянского банка «Континентале» — одного из тех, с которыми тесно связан финансовый аппарат Ватикана. Лупара, красавец и щеголь, обладатель безупречной репутации и счастливый семьянин, которого небо благословило очаровательной спутницей жизни и четырьмя детьми, сделал себе состояние, используя ватиканскую «крышу» для перекачивания в собственные сейфы денег предпринимателей и политических деятелей — членов мажоранской ложи «Аврора-7», в коей сам он занимал тридцать третью ступень. Лоренсо Куарт специализировался по мирским делам как раз подобного рода; посему в течение шести месяцев он изучал следы, оставленные Лупарой на коврах кое-каких кабинетов в Цюрихе, на Гибралтаре и Сан-Бартоломе (Антильские острова). Результатом его поездок явился исчерпываю-

щий доклад, легший на стол директору Института внешних дел и тем самым поставивший банкира перед выбором: тюрьма либо благоразумный *exitus*¹, позволяющий сохранить доброе имя банка «Континентале», Ватикана и — по возможности — синьоры Лупары и ее четырех отпрысков. Сидя в кабинете архиепископа и уставив невидящий взгляд расширенных глаз на фреску с изображением Тирренского моря, злосчастный банкир уловил суть того, что весьма тактично излагал ему монсеньор Спада, подкрепляя свою речь цитатами из библейской притчи о злом рабе. Лупара не внял заботливому напоминанию о том, что масон, покидающий этот мир без покаяния, совершает смертный грех; выйдя из кабинета, он напрямик отправился на свою великолепную виллу на острове Капри, где и свалился (по всей видимости, нераскаленным) с одной из террас, расположенных на самом краю обрыва. Если верить укрепленной там мемориальной табличке, когда-то на этом самом месте выпил рюмку вермута, созерцая дивный пейзаж, Курцио Малапарте.

— Есть подходящее дело для вас.

Квартир продолжал стоять неподвижно в центре комнаты, ожидая дальнейших слов начальника и ощущая на себе взгляд Ивашкевича из оконной ниши. На протяжении последних десяти лет у архиепископа Спады всегда находилось подходящее дело для священника Лоренсо Куарта, и каждое из этих дел было отмечено именами и датами — Центральная Европа, Латинская Америка, бывшая Югославия — в черной кожаной записной книжке, которая служила Куарту чем-то вроде путевого журнала, отражавшего день за днем долгий путь, пройденный им с момента принятия

¹ Уход (лат.).

ватиканского гражданства и начала работы в оперативном отделе Института внешних дел.

— Взгляните-ка на это.

Директор ИВД поднял, держа пальцами за краешек, лист бумаги с текстом, напечатанным принтером компьютера. Куарт протянул было руку, но в этот момент силуэт кардинала Ивашкевича беспокойно дернулся на фоне окна. Не опуская руки с листом, монсеньор Спада усмехнулся уголком рта:

— Его высокопреосвященство полагает, что эта тема весьма деликатного свойства, — проговорил он, глядя на Куарта; но было очевидно, что слова его адресованы кардиналу. — И он не убежден, что расширение круга посвященных является разумным шагом.

Куарт опустил руку, так и не коснувшись все еще протягиваемой ему Спадой бумаги, и спокойно, выжидаяще взглянул на начальника.

— Разумеется, — прибавил архиепископ, усмехаясь теперь одними глазами, — его высокопреосвященство знает вас гораздо меньше, чем я.

Куарт едва заметным кивком выразил свое согласие и продолжал стоять, не задавая вопросов и не выражая нетерпения. Монсеньор Спада повернулся к кардиналу Ивашкевичу:

— Я же говорил вам, что он хороший солдат.

На некоторое время воцарилось молчание. Силуэт у окна не шевелился, тускло маяча на фоне покрытого облаками неба и серого сквозь завесу дождя сада Бельведера. Затем кардинал сделал шаг от окна, и неяркий свет пасмурного утра, косо упав на его плечо, обрисовал костистый подбородок, пурпурный ворот сутаны, слабо скользнул по золоту наперсного креста и по камню пастырского перстня, когда кардинал протянул руку, взял у монсеньора Спады документ и сам передал его Лоренсо Куарту:

— Прочтите.

Куарт подчинился приказу, произнесенному по-итальянски с гортанным польским выговором. Лист распечатки содержал короткое послание:

Святой отец!

Оправданием подобной дерзости да послужит серьезность дела, о котором идет речь. Порой трон Святого Петра оказывается слишком далек, и голоса малых сих не достигают его. В Испании, в Севилье, есть место, где менялы угрожают Дому Господа и где маленькая церквушка XVII века, покинутая как церковной, так и светской властью, убивает, дабы защитить себя. Умоляю Ваше Святейшество, как пастыря и отца, склонить взор свой на смиреннейших из своей паствы и взыскать с тех, кто оставляет их на произвол судьбы.

Молю Вашего благословения во имя Господа нашего Иисуса Христа.

— Это оказалось в личном компьютере папы, — пояснил монсеньор Спада, заметив, что его подчиненный кончил читать. — Без подписи.

— Без подписи, — механически повторил Куарт. Это была его привычка — повторять отдельные слова вслух, подобно тому как рулевые и младшие офицеры повторяют приказы командира; делая это, он словно бы предоставлял себе — или другим — возможность обдумать сказанное. В его мире некоторые слова были равносильны приказам. А некоторые приказы — порой всего лишь интонация, оттенок, улыбка — могли иметь последствия, безо всякой натяжки подходящие под определение «роковых».

— Наш непрощеный гость, — продолжал архиепископ, — принял меры к тому, чтобы скрыть свое местонахождение. Однако удалось установить, что

послание отправлено из Севильи с помощью компьютера, подключенного к телефонной сети.

Куарт еще раз, теперь внимательнее, прочел переданную ему бумагу.

— Здесь говорится о какой-то церкви... — начал он и остановился, ожидая, что кто-либо из присутствующих закончит фразу за него. Слишком уж нелепым ему показалось произнести вслух подобное.

— Да, — подтвердил монсеньор Спада. — О церкви, которая *убивает, дабы защитить себя*.

— Это ужасно, — прокомментировал Ивашкевич, не уточнив, впрочем, что конкретно он имел в виду.

— Как бы то ни было, — прибавил архиепископ, — мы выяснили, что это правда. То есть что эта церковь действительно существует. — Он метнул быстрый взгляд на кардинала и провел ногтем по лезвию ножа. — И что пару раз там действительно произошло нечто не совсем обычное и малоприятное.

Куарт положил документ на стол шефа, но тот не взял бумагу, а лишь глазами проследил траекторию ее движения, как будто прикосновение к ней было чревато сомнительными последствиями. Тогда подошел Ивашкевич, забрал листок и, сложив его вчетверо, сунул в карман. Затем повернулся к Куарту:

— Мы хотим, чтобы вы отправились в Севилью и установили личность автора.

Теперь они стояли лицом к лицу, почти вплотную настолько, что Куарт ощутил кожей щек дыхание Ивашкевича, и от близости этого человека его внутренне передернуло. Он выдержал его взгляд в течение нескольких секунд, затем, усилием воли подавив непреодолимое желание отодвинуться на шаг, поверх плеча кардинала перевел глаза на монсеньора Спаду, который мгновенной, едва заметной улыбкой поблагодарил его за это проявление лояльности к церковной иерархии.

— Говоря во множественном числе, — пояснил архиепископ из своего кресла, — его высокопреосвященство, разумеется, имеет в виду себя и меня. А также волю более высокую, чем наша: волю его святейшества папы.

— Которая является волей Господа нашего, — почти вызывающе уточнил Ивашкевич. Его холодные черные глаза продолжали в упор смотреть на Куарта.

— Которая действительно является волей Господа нашего, — подтвердил монсеньор Спада тоном, в котором невозможно было уловить даже намека на иронию. Невзирая на всю власть, сосредоточенную в его руках, директор Института внешних дел прекрасно сознавал, где кончаются границы дозволенного, и взгляд, брошенный им на подчиненного, говорил: осторожно, на этой территории опасность грозит нам обоим.

— Понимаю, — произнес Куарт и, снова уперевшись глазами в глаза кардинала, коротко, по-военному четко кивнул.

Выражение лица Ивашкевича стало менее напряженным, а монсеньор Спада за его спиной одобрительно усмехнулся:

— Я же говорил вам, что отец Куарт...

Поляк прервал архиепископа движением руки с кардинальским перстнем:

— Да-да, я знаю. — Он еще раз в упор взглянул на священника и, словно решив, что теперь уже излишне отгораживать его от стола Спады, опять отошел к окну. — Вы уже говорили мне это — и сейчас, и прежде. Говорили, что он хороший солдат.

Произнеся эти слова иронически-усталым тоном, каким говорят о надоевшем, он устремил взгляд за окно, на поливаемый дождем сад, как будто желая сказать: все, больше это дело меня не касается. Положив нож на стол, монсеньор Спада выдвинул один

из его ящичков и вынул толстую синюю картонную папку.

— Установить личность автора письма — это только часть работы, — начал он, положив папку перед собой. — Каковы ваши первые выводы по нему?

— Его мог написать человек, связанный с церковью, — без колебаний ответил Куарт и, чуть помолчав, добавил: — Возможно, он сумасшедший.

— Да, это не исключено. — Монсеньор Спада открыл папку и полистал лежавшие в ней газетные вырезки. — Но совершенно очевидно, что в компьютерном деле он ас, а факты, о которых он упоминает, действительно имели место. С этой церквушкой на самом деле есть проблемы. Плюс те, что создает она сама. Две смерти за последние три месяца... Это пахнет скандалом.

— Это пахнет кое-чем похуже, — проговорил кардинал, не оборачиваясь: снова всего лишь худой темный силуэт на сером фоне дождя.

— Его высокопреосвященство, — пояснил директор ИВД, — сторонник того, чтобы этим делом занялась Конгрегация. — Он сделал многозначительную паузу и закончил: — Как в старые времена.

— Как в старые времена, — повторил Куарт.

Он не испытывал симпатии ни к старому, ни к новому стилю работы Конгрегации по делам учения о вере, и на то, в добавление ко всем прочим, у него имелись и собственные причины. На мгновение в одном из уголков его памяти высветилось лицо Нелсона Короны, бразильского священника из трущоб, одного из тех людей Церкви освобождения, в чей гроб, что называется, и сам он вколотил несколько гвоздей.

— Наша проблема, — продолжал монсеньор Спада, — заключается в том, что его святейшество желает расследования согласно установленному порядку, однако полагает, что подключать к нему Конгрегацию —

это уж слишком. Все равно что стрелять из пушки по воробьям. — Он сделал хорошо рассчитанную паузу и, пристально глядя на Ивашкевича, закончил: — Или из огнемета.

— Мы больше никого не сжигаем. — Это прозвучало так, словно кардинал обращался к дождю за окном. Словно он сожалел, что теперь все не так, как раньше.

— Как бы то ни было, — продолжал архиепископ, — решено, что пока, — он сделал на этом «пока» многозначительное ударение, — расследованием займется Институт внешних дел. То есть вы. И лишь в том случае, если дело окажется слишком серьезным, оно будет передано официальным органам инквизиции.

— Вынужден напомнить вам, брат во Христе, — кардинал по-прежнему стоял спиной к ним, созерцая мокрый сад Бельведера, — что инквизиция перестала существовать тридцать лет назад.

— Да, верно. Прошу простить меня, ваше высокопреосвященство. Я хотел сказать — дело будет передано официальным органам Конгрегации по делам учения о вере.

— Мы больше никого не сжигаем, — повторил Ивашкевич. На этот раз в его голосе прозвучала не слишком скрытая угроза.

Монсеньор Спада помолчал несколько секунд, не отрывая взгляда от Куарта. Они больше никого не сжигают, говорил этот взгляд, но спускают на него всех собак. Его травят, чернят, его убивают заживо. Они больше никого не сжигают, но будь осторожен с ним. Этот поляк опасен для тебя и для меня, но из нас двоих ты более уязвим.

— Вы, отец Куарт, — теперь директор ИВД говорил сугубо деловым, официальным тоном, — съездите на несколько дней в Севилью... Сделайте все возмож-

ное, чтобы выяснить, кто автор послания. Поддерживайте — но лишь в необходимых пределах — контакт с местной церковной властью. А главное — ведите дело разумно и скрытно. — Вытащив из стола другую папку, он положил ее поверх первой. — Вот здесь вся информация, которой мы располагаем. У вас есть вопросы?

— Только один, монсеньор.

— Ну?

— На свете полным-полно церквей, где есть проблемы, в том числе и чреватые скандалами. Почему же речь зашла именно об этой? Что в ней такого особенного?

Архиепископ метнул взгляд на спину кардинала Ивашкевича, но инквизитор молчал. Монсеньор Спада чуть наклонился над лежавшими на столе папками, как будто пытаясь высмотреть в них ответ на заданный вопрос.

— Полагаю, — произнес он наконец, — что этот хакер изрядно потрудился и его святейшество сумел оценить его усилия.

— Оценить — это уж слишком, — бесстрастно донеслось из оконной ниши.

Монсеньор Спада пожал плечами:

— Тогда скажем так: его святейшество решил удостоить его личным вниманием.

— Несмотря на его дерзость и наглость, — снова прозвучало со стороны окна.

— Несмотря на все это, — заключил архиепископ, — по каким-то личным причинам сие послание, оказавшееся в его личном компьютере, пробудило его любопытство, и он хочет быть в курсе событий.

— Быть в курсе событий, — повторил Куарт.

— Именно так.

— По приезде в Севилью должен ли я посвящать в дело также местное церковное руководство?

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Человек из Рима	13
II. Трое злодеев	51
III. Одиннадцать баров Трианы	93
IV. Аромат и горечь апельсинов	136
V. Двадцать жемчужин капитана Ксалока	174
VI. Галстук Лоренсо Куарта	220
VII. Бутылка из-под «Аниса дель Моно»	263
VIII. Андалусская дама	298
IX. Мир тесен	327
X. In Ictu Oculi	376
XI. Сундук Карлоты Брунер	421
XII. Гнев Божий	458
XIII. «Канела Фина»	488
XIV. Восьмичасовая месса	528
XV. Вечерня	549